

СИЛА ВЕРЫ

История с берегов Ньюфаундленда о критическом значении общественного диалога для сохранения охоты

Силой веры кайры меняют свою жизнь – чем необходимо обладать и охотникам.

В своих рассказах из двух частей Шейн Махоуни выступает за более интенсивную, сложную и продолжительную программу общественного участия в охотничьих делах. В этой первой части он показывает, почему это необходимо. Во второй части он расскажет, как эта программа должна действовать.

О «Даллас Сафари клубе» (DSC)

«Даллас Сафари клуб» – независимая с 1982 г. организация, ставшая международным лидером в сохранении дикой природы, как фауны, так и угодий, занимающаяся просвещением молодёжи и прочей публики, а также продвигающая и охраняющая права охотников во всём мире. Присоединяйся к нам на сайте www.biggame.org.

Охотничьему сообществу необходимо демонстрировать свою приверженность сохранности дикой природы и делать это, обращаясь непосредственно к общественному мнению и используя его возможности. Понятно, что такой подход вызывает определённое сопротивление. Однако же, если нам не удастся это сделать, то мы полностью перестанем соответствовать логике

жизни и любая карьера, дело или личная жизнь, полагающая охоту источником своего существования, окажется под угрозой. И это будет той высокой ценой, которую нам придётся заплатить. Следующая история об известной птице Северной Америки проиллюстрирует необходимость такого шага и мужество, которое потребуется, чтобы его сделать.

Остров Ньюфаундленд сильно отличается от североамериканского континента: великолепие ледяных скульптур на изломанной береговой линии, мощные гранитные бастионы и скалистые берега, изрезанные беспокойным морем. Внутри острова раскинулись захватывающие дух просторы девственной, хотя и бесплодной, земли, запутанная мозаика извилистых ручьёв, фьордов и бесчисленное количество озёр, долин и рек с кристально чистой водой, постоянно притягивающих ваш взор. Дикая фауна процветает в этом ландшафте – каменные куropатки, арктические зайцы, чёрные медведи, лоси, рыси, красные лисицы и могучие, с увесистыми рогами, лесные канадские олени – карибу.

Однако же всё это разнообразие меркнет перед мельгешащим изобилием островов, которые считают своим домом миллионы гнездящихся морских птиц. Эти небольшие и многочисленные цитадели разбросаны подобно икре по всей протяжённости береговой линии, в готовности покрыться яйцами, птенцами и взрослыми особями, толкущимися на каждом дюйме дёрна, скалы или расщелины с мая по сентябрь. Если кому-нибудь захочется познать

дикую природу во всей её мощи, творческие силы жизни и безжалостный маятник нежного рождения и жестокой смерти, то эти маленькие острова – это те соборы, в которых вам надлежит возносить свои молитвы. Интенсивность естественного бытия в этих местах, диких и продуваемых всеми ветрами, почти непревзойдённа. Опыт такого рода, приобретённый на основе личных наблюдений и хорошо обдуманной впоследствии, может привести к прозрениям касательно нашей роли в мире и к тому, как можно лучше всего обеспечить непрерывность существования в природе наших братьев меньших, которых мы по праву уважаем и ценим.

Кайры, известные ньюфаундлендцам под названием «турс» – это чёрно-белые морские птицы размером с утку, которые гнездятся обширными и плотными колониями на многих из этих островков. Они издавна служили важным источником мяса для прибрежных жителей и на них охотились столетиями. Но до сих пор до их гнездовой руки подать от многих поселений. Это свидетельствует о том, что регулируемый подход к сохранности дикой природы эффективно обеспечивает будущее огромного большинства видов фауны, охота на которых ведётся в рамках сбалансированных и научно разработанных программ. У кайры есть некоторые особенности поведения, к которым относится и манера сносить своё единственное и фантастически разукрашенное яйцо на голую скалу. Все эти постройки гнезда – не для кайры. Такое достижение ещё более замечательно, учитывая, что они занимают крохотные выступы на скалах, часто размером не шире 15-20 см и нередко на высоте сотен или тысяч футов над водой. Они теснятся на своих полочках подобно толпе

карликов в смокингах, оглушительно покрикивая, разбрасывая помёт и непринуждённо толкаясь. Почти немислимый шум и гам стоит на этих выступах, равно как практически невероятна и сохранность яиц, которые высиживаются поочерёдно самцом и самкой, внешне выглядящими совершенно одинаково.

Частично такая замечательная сохранность объясняется тем фактом, что у кайры в процессе эволюции образовались яйца с весьма острыми концами, поэтому они скорее возвращаются, чем катятся в случае перемещения. Только это предотвращает падение яиц в пропасть и в море – это, да ещё и усердная забота взрослых птиц. В период трёх-четырёх недель гнездования и высиживания яиц эти выступы сплошь покрыты кайрами, тушка к тушке, а их яйца тесно прижаты к тёплой гуже. Днём и ночью, в дождь

и снег, пригретые солнцем или исхлётанные ревущими ветрами, эти птицы ревниво оберегают свой единственный шанс для размножения. Далеко, и нередко очень далеко внизу, под ними, ветер и прибой гонит бушующие волны океана.

После трёх недель неусыпных забот новое поколение кайры начинает проклёвываться из яиц. Эти крохотные чёрно-белые птенцы появляются на свет с встопорщенными пёрышками, словно панки. Подросшие птенцы – ещё одна проблема для взрослых птиц. Эти шустренькие комочки энергии с крупными лапками живут в постоянной опасности свалиться со своего выступа, или быть раздавленными толпой взрослых птиц, или утонуть в зловонных лужах воды и гуано, или быть убитыми воздушными мародёрами – чайками, воронами и ястребами.

Шейн Махоуни

Родившийся и выросший на Ньюфаундленде Шейн Махоуни – биолог, писатель, охотник, рыбак, лектор с международной известностью по проблемам окружающей среды и сохранности биоресурсов. Он также работает экспертом в организации «Норт Америкен Консервэйшн Модел», занимающейся охраной дикой природы Северной Америки.

Помимо этого, в отличие от птенцов других морских птиц, которые прекрасно обходятся срыгнутой родителями пищей, птенцы кайр предпочитают употреблять свою рыбу свежей, что заставляет родителей постоянно кружиться над морем и часто улетать на большие расстояния. Трудясь по очереди, один родитель находится в поисках обеда, а второй оберегает подрастающего потомка и чистит его пёрышки клювом. Находя своё особое, хотя и никак не обозначенное место на выступе скалы каким-то чудом, возвращающийся родитель держит пойманную рыбу головой внутри своей глотки так, что только хвост торчит из клюва. Рыба останется у него там до тех пор, пока кости её головы не переварятся, и тогда её можно будет отдать птенцу. Он проглотит эту рыбу целиком и будет отдыхать, пока неутолимый голод снова не пробудит его. Такое приятное существование можно предвидеть в предсказуемой среде обитания – там, где рыбы много и она держится вблизи от островков. Если рыба уходит, то среда обитания меняется и требуется новая стратегия.

Через четыре недели происходит примечательное событие – птенцы впервые встают на крыло над морем. Эта порода птиц весьма эффективно использует свои крылья, чтобы нырять в океан на значительную глубину в поисках мелкой рыбы. Поэтому их крылья по длине и форме претерпели серьёзные изменения и стали походить на те, что у пингвинов, хотя эволюция кайр и не зашла так далеко. Молодые кайры, которым уже исполнилось четыре недели, имеют фантастическую структуру тела. Она отражает как их насущные потребности выживания на выступе скалы, так и те, которые возникнут внезапно, как только они покинут свой относительно безопасный дом и отважно прыгнут навстречу открытому морю. Их крупные

лапы обеспечивают устойчивость на скальном выступе, а теперь помогут птенцам грести и маневрировать в воде; их короткие сильные крылья отлично подходят для плавания и преследования рыбы. Однако же и это будет самая незабываемая минута в их юной жизни, они ещё не ощутили всю мощь свободного полёта, пока не придёт время покинуть узенький выступ скалы, на котором до сих пор проходила вся их жизнь.

Будет поздний вечер, когда они решатся впервые стать на крыло. Может быть, тысячей футов ниже океанские волны будут разбиваться об источенные волнами скалы их островка, чайки с хриплыми криками будут парить в воздухе, с надеждой ожидая возможной жизни. В гаснущих сумерках, часто в туман или моросящий дождь, птенцы, которые до этого времени так стойко держались за свой скальный выступ, внезапно зашевеливаются, непрерывно крича и подпрыгивая, и приблизятся к краю скального выступа. Они услышат призывный крик своих родителей, беспокойно плавающих туда и сюда в серо-белых барашках волн там, внизу, и запрыгивающих свои головы назад, демонстрируя неоновые жёлто-оранжевые пятнышки на груди, чтобы птенцы видели направление полёта вниз. Скальные уступы взбурлят шумом и агрессией. Маленькие юнги вот-вот станут мореходами, причём сразу – и прочь от скалы, и стрелой в бурный воздух. Они вытянут свои крупные лапки как парашюты и будут лихорадочно бить по воздуху своими крошечными крыльями, тормозя своё падение вниз, в могучий океан.

Конечно, многим не удастся выжить. Их тельца замертво падут на скалы, они будут погублены первой в их жизни океанской волной или проглочены хищными чайками. Но большинство выживет, качаясь на поверхности моря и плывя вдаль в стужающиеся сумерки, навстречу новой жизни,

в сопровождении одного из родителей и с уверенностью в том, что неизбежный поворот в судьбе случился. Создания, до сих пор знавшие только землю, более не прикоснутся к ней, по меньшей мере, в течение четырёх лет. Но, когда они неизбежно вернуться, они станут частью новых трансформаций, занимая место тех, кто производит потомство и заботится о нём, чтобы кайры могли всегда собираться у берегов Ньюфаундленда, делая нашу жизнь намного богаче и интереснее. Чтобы всё происходило именно так, необходима беззаветная вера, которая навсегда останется неотъемлемой частью этой одиссеи. Ведь сколько бы птенцы ни сидели в комфорте на своих скальных выступах, у них нет будущего, если они не оставят свои насесты позади.

Охота – это одна из немногих форм настоящего отдыха от предсказуемого и удушающего мира. Именно в возможности смерти животных мы приходим к пониманию того, что надо дорожить абсолютной необходимостью их будущей жизни. Такая сложность восприятия проблемы неизбежно и надолго обеспечивает существование движения за запрещение охоты. Мы знаем, что охота переживает сейчас не лучшие времена, и что нам надо сделать что-то большее, чем мы делаем сейчас, чтобы охота не исчезла. Всё остальное – это ложь и самообман.

Наши безопасные насесты, с которых мы смотрим вниз на сумятицу и разноречивые обществ. дебатов на эту тему, надолго обеспечат нам спокойное существование. Социальные, экономические и экологические реальности совершенно не оставляют нам выбора. Либо мы убедим наших сограждан в современности и ценности охоты, либо мы пропадём в наших прибежищах – островках, обречённые погибнуть в меняющейся среде обитания, которая может быть освоена нами только с уверенностью в себе и силой веры.